

Four Russian Writers: Prose and Poems
Translated by Nina Kossman

from samizdat to facebook
Poems by Alexander Makarov-Krotkov

* * *

Everything
is not
as bad

as you'd like
it to be

yes even
you

2019

* * *

A question
comes up
which no one
has an answer to

even those
who know it

because truth
is

obvious

2019

* * *

how could you even
let
yourself think

this

2019

* * *

size
doesn't
matter

but then
what does?

there
you go
you too

2019

* * *

and then

no
c'mon what
then
can there be

when
it's already
now

2019

* * *

If only you knew

.
.
.

yet on the other hand

2019

* * *

look
look

see?

now
try
to remember it

maybe
you could tell it
to someone else

2019

* * *

he even dares
to ask me
how I am

I say
sure
I'll tell you everything

going all the way back
to the umbilical cord

it isn't my fault
one couldn't hide
from it

2019

* * *

from samizdat
to facebook

help us Lord

2016

Александр Макаров-Кротоков

* * *

все
не так
плохо

как
хотелось бы

даже
для вас
2019

* * *

возникает
вопрос

на который
нет ответа

даже у тех
кто его знает

потому что
истина

очевидна

2019

* * *

да как вы себе
такое
смогли позволить
подумать

2019

* * *

размер
не имеет
значения

а что же
тогда?

вот
и вы
тоже

2019

* * *

а потом
нет
ну какое же
может быть
потом

когда
уже
и сейчас

2019

* * *

когда б вы знали

.
. .
.

а с другой стороны

2019

* * *

смотри
смотри

видишь?

теперь
постарайся
запомнить

может
еще будет кому
рассказать

2019

* * *

и он
еще спрашивает
как дела

я отвечу
конечно
все расскажу

до той самой
пуповины

от которой
кто не спрятался
я не виноват

2019

* * *

от самиздата
до фэйсбука

прости Господи

2016

.....

Anna Golubkova

The Color of the Dead Chameleon
Flash fiction

1

Upstream

Every morning, a neighbor would turn on his drill and start drilling. Whether weekdays, weekends or holidays - it didn't matter. Exactly at 8:37 am a nasty drilling sound was heard, ending in an unusually vile vibrating howl, after which diligent knocking began behind the wall, sometimes interrupted by short and especially painful pauses. Sharp squeals gave way to uniform energetic howls, then to a dull buzzing, as if drills also needed a break.

“In my opinion, he has an erotic relationship with the wall,” you said, pulling out another cigarette from your pack.

And indeed for some reason it was very easy to imagine how this unknown person, with his eyes shut, feels all those grooves with the tips of his trembling fingers, all those

7

dimples, grooves and bulges of a rough, slightly warm concrete, as he presses his cheek to the wall and his whole body absorbs its dry, lifeless energy.

4

Existential Hopelessness

“The confusion is due to the fact that the word “incubus” begins with “in,” so an association with ‘the yin,’ the feminine, arises,” she thought, sitting in a comfortable chair and holding a thin, pink, porcelain cup of tea. “And that’s why it seems that the incubus is a female demonic entity. Meanwhile, the situation is quite the opposite: an incubus is the one for girls, and the succubus is for boys.” Meanwhile, a life of its own was going on upstairs: people were stomping loudly on a springy wooden floor, dropping heavy objects on it and from time to time shouting terrible insults at each other in sharp, high voices. “However, if you think carefully,” she continued to develop her thought, “then incubi and succubi are one and the same erotic essence, which, if desired, can turn into a girl, and if it wants to, into a boy. The main thing here is not the form, but the content, that is, the power of erotic attraction, its, so to speak, complete and absolute inevitability.” Meanwhile, outside her window, all was quiet and calm, almost like at a cemetery, and only her upstairs neighbors continued their meaningless battles.

3

The Color of the Dead Chameleon

- I do not intend to enter into any negotiations! - a man in a gray hat said decisively, his hat at a reckless angle on his head. A small group of hooligans did not even suspect that this hat’s angle was literally adjusted to a millimeter. This fateful meeting took place in a corner of an old neglected park, where both sides of the conflict wandered in search of privacy they needed at that moment. The park was dark, damp and for some reason smelled of slightly overexposed cabbage pies.

“You can get ears only from a dead donkey,” the man added lightly, with a kind of careless grace that his opponents could never have appreciated by virtue of their inherent rudeness. And it should be noted that he meant exactly what he said.

Анна Голубкова

Восходящий поток

8

Каждое утро сосед включал дрель и начинал сверлить. Будни это были, выходные или какие-то праздники – значения не имело. Ровно в 8:37 раздавался противный тянущий звук, завершавшийся на редкость мерзким вибрирующим воем, после чего за стенкой начиналась старательная долбежка, иногда прерывавшаяся короткими и от того особенно мучительными паузами. Резкие взвизги сменялись равномерными энергичными завываниями, а потом и унылым затихающим жужжанием, словно дрели тоже нужно было сделать передышку.

– По-моему, у него прямо-таки эротические отношения со стеной, – сказал ты, вытаскивая из пачки очередную сигарету.

И действительно почему-то очень легко можно было представить, как этот неведомый человек, закрыв глаза, кончиками дрожащих пальцев ощупывает все эти бороздки, ямочки, канавки, углубления и выпуклости шероховатого, чуть теплого бетона, как припадает к стене щекой, прижимается всем телом и впитывает, впитывает эту суховатую безжизненную энергию.

Экзистенциальная безнадега

«Путаница происходит из-за того, что слово «инкуб» начинается на «ин», то есть сразу же возникает ассоциация с «инь», женским началом, – думала она, сидя в мягком уютном кресле и держа перед собой тонкую, розового фарфора чашечку с чаем, – потому и кажется, что инкуб – это женская демоническая сущность. Между тем дело обстоит совершенно наоборот: это инкуб как раз является девочкам, а суккуб – мальчикам». Этажом выше шла какая-то своя отдельная жизнь: там ходили, громко топая, по пружинящему деревянному полу, с шумом роняли на него тяжелые предметы и время от времени резкими высокими голосами, проникавшими даже сквозь специально сделанную звуковую изоляцию, выкрикивали друг другу какие-то ужасные оскорбления. «Однако если хорошенько подумать, – продолжала размышлять она, – то инкубы и суккубы – это ж ведь одна и та же эротическая сущность, которая при желании может оборачиваться девочкой, а при желании – мальчиком. Главное тут не форма, а содержание, то есть сила эротического влечения, его, так сказать, полная и абсолютная неотвратимость». За окном между тем было тихо и спокойно, почти как на кладбище, и только соседи сверху продолжали свои никому не нужные бессмысленные разборки.

Цвет мертвого хамелеона

– Ни в какие переговоры я вступать не намерен! – решительно сказал мужчина в серой, лихо сдвинутой набок шляпе. Небольшая группа хулиганов и не подозревала, что угол наклона этой шляпы был выверен буквально до миллиметра. Эта судьбоносная встреча состоялась в углу старого запущенного парка, куда обе нечаянно столкнувшиеся стороны забрели в поисках необходимого им на тот момент уединения. В парке было темно, сыро и почему-то пахло слегка передержанными пирожками с капустой.

– Вы можете получить только от дохлого осла уши, – добавил мужчина с той долей легкости и небрежной грации, которую его оппоненты в силу присущей им

грубости восприятия никогда бы не смогли оценить. И следует заметить, что он имел в виду именно то, о чем говорил.

.....

Alexey Sinitsyn

**From “Space Machine”
(An excerpt from Sinitzyn’s novel, published by AST, 2019)**

March 4, old style (Julian calendar)

I left the house before daylight, hoping not to run into anyone in the street. The neighbor’s dog barked at me, probably it didn’t like an old ski pole which I used like a staff, to lean on while walking, or maybe it didn’t approve of my intentions, which were as follows: to go along Sukonnaya Street to the grain crossroads, then down along the Vrazhsky Log to the railway station, and from there, along the tracks, in the direction of the iron foundry.

I spent last evening getting ready for the trip. Now I was well equipped with forty meters of linen rope, a mechanical stopwatch, and an American lamp lantern, powered by an electric battery. (Over the past quarter century, the National Carbon Company made us experience joy every year as they released some new electrical gizmos). It was quite cold outside. The temperature was twenty degrees below zero, or even chillier. Instead of my tarpaulin boots I put on a pair of high boots. It was very slippery, and as I walked to the intersection, I almost fell twice. If it weren’t for the ski pole, I’m sure, I would have broken some bones.

The station was empty, there were almost no civilians, the windows in the station building were broken. Trains appeared to be frozen into icy ground. While I watched an armed soldier use a gingerbread to lure a gypsy woman into his train car, a military patrol came up and asked for my papers. A bearded commissar, in a pince-nez and a leather jacket, asked me where I was going. I lied that I was looking for my companions who were lost in the fog. He wanted to say something sarcastic or harsh in response, but just at that moment one of his patrolmen pointed at three men poking around an alcohol tank. The commissar quickly handed me the documents, and everyone ran towards the repair depot. I saw him unfasten his holster as he walked. I didn't want to see what would happen next, it was clear enough. And in fact, not even a minute had passed before I heard rattling sounds of shots behind me. Everyone was as ready as ever to shoot each other without further ado.

I went along the tracks to the iron foundry, which resembled a crematorium with its harsh-looking brickwork. I looked at its dead pipes. At the end of February, the workers fled wherever they could, the foundry was left unattended. Near the foundry fence lay a bloody human ear. At first, I could not believe my eyes. But stepping closer and lifting it, I became convinced that this was a real human ear. And that it had been cut off, apparently, only last night. Looking around, just in case, I picked some cobblestones from a frozen puddle, and at my own risk, moved further along the railway tracks.

At 10:04 it seemed as though the white pall covered everything in front of me, like a kind of an unsteady barrier consisting of pale dim light. The rails and the embankment suddenly broke off and were lost in it.

I think that what happened next should be described as thoroughly and in as much detail as possible.

Initially, it seemed to me that what I was seeing was merely one of the varieties of that fog described earlier. During the last month my consciousness became thoroughly accustomed to it; besides, it was simply impossible to believe that the railway track could simply disappear without any reason. I thought that it was all a matter of a simple optical effect, and that if only I could step beyond the border of that white pall, I would at least be able to feel, if not to see, the missing tracks. (Getting ahead of myself, I must say that I was absolutely wrong).

On the other hand, I understood that no fog could thicken in literally a second, or suddenly become visible at a distance of just fifteen or twenty steps. Moving a bit further away from the visible border of the invisible space, I once again saw a winter field stretching in front of me, with black thawed areas, as well as rails stretching safe and sound to the very horizon. About a hundred meters to the right there was a small hill with a few trees. On the left was the dull warehouses of the marshalling yard.

With the help of my rope I soon found out the exact distance at which the boundary of the aforementioned anomaly was detected (when I measured it later with a tape

measure, it turned out to be 13, 32 m). An old sooty kettle lying near the tracks, probably thrown out of one of the cars, served as my guideline.

Prudently wrapping a rope around my waist (the other end of it I tied to a telegraph pole), I began to go deeper into the dim, luminous space, moving in small steps, as if I were approaching a live electric wire. But first I tested another hypothesis that came to my mind.

At the moment of approaching the border of the white pall at 13,32 meters, the length I measured earlier, the landscape behind the ghostly barrier almost instantly disappeared from sight, while everything that remained in front of it was still clearly visible. When the border itself was reached, not only the entire surrounding landscape disappeared from view, but even my body was no longer visible. Then I thought that if I cross the border of the invisible space very slowly, I may be able to linger at that point where one of my legs on the ground would still be visible, while my arm extended forward would disappear. However, no matter how hard I tried, nothing of the kind happened. At one point, everything that was visible until then, simply vanished.

Then I tried to reach the border of the white pall moving my back forward, in order to monitor the gradual disappearance of my outstretched arm, which now seemed to be behind me. But this did not bring the expected result either. This oddity led me to the conclusion that for the spatial anomaly, I am not a three-dimensional physical body, as I perceive myself, but a single dot. Even now it is exciting and scary to think about what this could mean and what consequences it could lead to. Therefore, I will return to the description of the experience of my getting further into the anomalous zone.

As soon as I got there, I immediately noticed that the rustling of rubble gave way to a distinct creak, as if I had stepped on a dense snowy crust. I clearly heard my breathing turn into bilateral bronchial wheezing: I must have caught a cold. There was a flat surface under my feet, without any bumps or potholes. In order to avoid accidentally hitting my forehead against some invisible obstacle, I extended my arms in front of me, like a blindfolded child playing blind man's bluff. Soon I began to feel the tension of the rope. This meant that I had delved beyond the border of the white pall; I was just under forty meters in. I stopped and began to listen. Then, I tried to turn on a flashlight. To my regret, it turned out to be completely useless; its beam immediately disappeared into the dim white glow surrounding me.

Perhaps it only seemed to me, but from somewhere far away came a long wolf howl. I tightened my grip on the rope and waited for a repeat. I wanted to make sure that I heard right. But the howl was no longer repeated. Instead, much closer to me, somewhere on the left there was the sound of Leo Tolstoy's voice, recorded on a phonograph record. I recognized his voice. Words could not be made out, but judging by the intonation, Tolstoy was addressing many people, educating them. After he finished speaking, (it seemed to me that Lev Nikolaevich ended his speech with an obscene remark which signified his desire to distance himself from the public), some kind of frivolous dance music began to play. It seemed to laugh at Tolstoy, its whole being invalidating the

significance of everything that he had just said. I even assumed that the music was a kind of response of the public to the great writer and his performance, and especially to its, as it were, rather peculiar ending. After thirty-two bars, the music fell silent. I stood still for several minutes, listening to the emptiness almost lifelessly, afraid to miss something, but I heard nothing more.

Then I began to pull myself back by the rope, trying not to stretch it too much but not to let it go slack either. I wound several selected rope segments on my elbow. Later the memory of this monotonous operation led me to another curious, and most likely happy, suspicion. The fact is that since my high school years I have been fond of ancient history. The Trojan War, the campaigns of Alexander the Great and the tombs of the Egyptian pharaohs made my imagination burn brightly and my heart beat faster. I decided to verify the metric length of 13.32 meters that I recorded with the length measures that existed in ancient times. And I soon found out that it was exactly equal to twenty-four, the so-called Babylonian “royal elbows”. I admit that perhaps this is a curious coincidence, but it is not the only one. No one knows exactly why, and under what circumstances our city was called Babylonian (and from the 16th century it became known as Babylon-on-the Northern Dvina).

According to my stopwatch, I spent 26 minutes 33 seconds in the obscured space, although it seemed like half as much.

By nighttime I had a deep nagging cough. Bronchial wheezing, phlegm too thick to cough up. I got a cold. But I do not intend to leave my research, unless I become so weak that I have to stay in bed all day.

P.S. I sent Nyura to Praskovya Ilyinichna for licorice.

.....

Алексей Сеницын
Отрывок из романа «Машина пространства»

Марта, 4-го числа по ст. стилю.

Вышел из дома засветло, надеясь особенно на улицах никого не встретить. Соседская собака, завидев меня, облаяла, наверное, ей не понравилась старая лыжная полка, на которую я опирался при ходьбе как на посох, а может быть, она не одобрила моих намерений. А намерения у меня были такие: пройти по Суконной улице до хлебного перекрёстка, спуститься вдоль Вражского лога к железнодорожной станции, а там вдоль путей следовать в сторону чугунолитейного завода.

Вечером накануне я весь был в приготовлениях. Так что теперь в дорогу захватил с собой сорок метров льняной верёвки, механический секундомер и американский ламповый фонарь, работающий от электрической батарейки. (Национальная углеродная компания за последние четверть века, почитай, что каждый год радовала выпуском каких-нибудь новых электрических штуквин). На улице холодно. Температура – двадцать градусов ниже нуля, или того зябче. Вместо кирзовых сапог надел унты. Очень скользко, пока шёл до перекрёстка два раза чуть не упал. Если бы не лыжная палка, наверняка, весь бы переломался.

На вокзале пусто, гражданских почти нет, стёкла в здании вокзала местами выбиты. Составы кажутся вмёрзшими в ледяную землю. Пока смотрел, как солдат с винтовкой зазывал пряником цыганку к себе в теплушку, подошёл военный патруль, спросил документы. Комиссар в пенсе и кожаной куртке с бородкой поинтересовался, куда я направляюсь. Я соврал, что ищу своих, пропавших в тумане. Он хотел заметить мне в ответ что-то язвительное или резкое, но в это время один из патрульных указал ему на трёх человек, копошащихся поверх цистерны со спиртом. Комиссар быстро сунул мне в руки документы, и все побежали в сторону ремонтного депо. Я видел, как он на ходу расстёгивал кобуру. Не стал смотреть, что будет дальше, известно что. И в, самом деле, не прошло и минуты, как за моей спиной раздались трескучие звуки выстрелов. Все готовы без лишних слов перестрелять друг друга.

Пошёл вдоль путей к чугунолитейному заводу, напоминавшему своей суровой кирпичной кладкой крематорий. Смотрел на его омертвевшие трубы. В конце февраля рабочие разбежались кто куда, завод встал. Возле заводского забора валялось окровавленное человеческое ухо. Сначала, я не поверил своим глазам. Но подойдя ближе, и подняв его, я убедился, что это действительно настоящее человеческое ухо. И отсеки его, по всей видимости, не ранее прошедшей ночи. Оглядевшись, я, на всякий случай, отковырял булыжник из замёрзшей лужи и на свой страх, и риск двинулся дальше вдоль железнодорожных путей.

В 10 часов 04 минуты передо мной вдруг возникла белая пелена, словно некая зыбкая преграда, состоящая из бледного тусклого света. Рельсы с насыпью внезапно обрывались и терялись в ней.

Думаю, что произошедшее следует описать как можно более тщательно и подробно.

Первоначально мне показалось, что всё, что я наблюдаю, является одной из разновидностей описанного мною ранее тумана. За месяц сознание к нему основательно привыкло, да и просто невозможно было поверить в то, что железнодорожное полотно могло просто исчезнуть, не имея к тому решительно никаких причин. Мне думалось, что всё дело в простейшем оптическом эффекте, что стоит мне шагнуть за границу белой пелены, и я смогу если не увидеть, то, во всяком случае, нащупать пропавшие пути концом лыжной палки. (Забегая чуть вперёд, скажу, что я категорически ошибался).

С другой стороны, я понимал, что никакой туман не мог сгуститься буквально в одну секунду, или появиться в поле зрения внезапно на расстоянии каких-нибудь пятнадцати-двадцати шагов. Отойдя от видимой границы неясного пространства чуть назад, я вновь увидел расстилающееся передо мной зимнее поле, с чернеющими проталинами, а также рельсы, тянущиеся в целостности и сохранности до самой линии горизонта. Примерно, в сотне метров справа виднелась небольшая возвышенность с редкими деревьями. Слева тянулись унылые пакгаузы сортировочной станции.

При помощи своей верёвки я довольно скоро в точности выяснил расстояние, на котором обнаруживалась граница аномалии (измеренное позже рулеткой, оно оказалось равным 13, 32 м). Ориентиром мне послужил, валявшийся возле путей старый закопченный чайник, очевидно, сорвавшийся с одного из вагонов...

Предусмотрительно обмотавшись верёвкой вокруг пояса (другой её конец мною был закреплён на телеграфном столбе) я начал понемногу углубляться в неясное тускло светящееся пространство, передвигаясь небольшими приставными шагами, так, как если бы подходил к лежащему на земле электрическому проводу под напряжением. Но предварительно, я проверил ещё одну, пришедшую мне в голову догадку.

В момент приближения к границе белой пелены на указанное расстояние в 13, 32 метра практически мгновенно пропадал из виду пейзаж, находящийся за призрачной преградой, при этом всё, что оставалось перед её плоскостью виделось по-прежнему ясно. Когда же достигалась сама граница, исчезал из виду не только весь окружающий пейзаж, но также пропадало из видимости само тело. Тогда я подумал, что если пересекать границу неясного пространства очень медленно, то возможно удастся задержаться в той точке, в которой опорная нога, при обращении на неё взгляда будет ещё видна, а вытянутая вперёд рука исчезнет. Однако сколько я ни старался, ничего подобного не выходило. Вся видимая картина в какой-то момент просто исчезала мгновенно.

Тогда я попробовал достичь границы белой пелены, двигаясь спиной вперёд, с тем, чтобы следить за постепенным исчезновением вытянутой перед собой руки, которая теперь оказывалась сзади. Но и это не принесло ожидаемого результата. Эта странность привела меня к выводу, что для пространственной аномалии я являюсь не объёмным физическим телом, коим воспринимаю себя зрительно, а одной единственной точкой. О том, что это могло бы означать, и к каким следствиям приводить, думать даже теперь волнительно и страшно. Поэтому вернусь к описанию опыта своего углубления в аномальную зону.

Едва я оказался там, как сразу же заметил, что шуршание щебня сменилось отчётливым скрипом, словно бы я ступал по плотному снежному насту. Я отчётливо слышал своё дыхание с двусторонними бронхиальными хрипами, должно быть простудился. Под моими ногами расстилалась ровная поверхность, без каких-либо кочек или колдобин. Чтобы ненароком не наткнуться лбом на

какое-нибудь невидимое препятствие, я интенсивно нашаривал перед собой руками, будто ребёнок с завязанными глазами, играющий в жмурки. Вскоре, я почувствовал натяжение верёвки. Это означало, что я углубился за границу белой пелены чуть менее, чем на сорок метров. Я остановился и стал прислушиваться. Затем, попробовал посветить фонариком. К моему сожалению, он оказался совершенно бесполезен, его луч тут же растворился в окружающем меня тусклом белом свечении.

Возможно, мне показалось, но до моих ушей как будто бы издали донёсся протяжный волчий вой. Я крепче сжал в руке верёвку и стал ждать повторения. Мне хотелось убедиться, что я не ослышался. Но вой больше не повторился. Вместо этого гораздо ближе от меня, где-то слева зазвучал голос Льва Толстого, записанный на граммофонную пластинку. Я узнал его. Слов было не разобрать, но судя по интонации, Толстой говорил, обращаясь ко множеству людей что-то учительное. После того как он договорил (мне показалось, что Лев Николаевич закончил своё выступление нецензурной фразой означающей желание максимально отдалить от себя слушавшую его аудиторию) заиграла какая-то легкомысленная танцевальная музыка. Она словно бы смеялась над Толстым, оспаривая всем своим существом, смысл и значение всего только что сказанного им. Во мне даже возникло предположение, что музыка была своеобразным ответом публики великому писателю на его выступление, и в особенности на его, как бы сказать, весьма своеобразный финал. После тридцати двух тактов музыка смолкла. Я ещё несколько минут стоял, почти бездыханно вслушиваясь в пустоту, и боясь что-нибудь пропустить, но больше ничего не услышал.

Тогда, я стал вытаскивать себя за верёвку назад, стараясь не натягивать её слишком сильно, но и не давать ей спуску. Выбранные отрезки я наматывал на локоть. Воспоминание о совершении данной монотонной операции позже навело меня на ещё одно любопытное, и вероятнее всего счастливое подозрение. Дело в том, что с гимназических лет я увлекался древней историей. Троянская война, походы Александра Великого и гробницы египетских фараонов заставляли ярко пылать моё воображение и сильнее биться сердце. Я решил сверить, зафиксированную мной метрическую длину в 13.32 метра с мерами длины, существовавшими в глубокой древности. И очень скоро выяснил, что она, в точности, равна двадцати четырём, так называемым, вавилонским «царским локтям». Я допускаю, что, возможно, это курьёзное совпадение, но если и так, то не единственное. Никто точно не знает почему, и при каких обстоятельствах наш город был назван Вавилонском (а с 16-го века он стал именоваться Вавилонском-на-Северной Двине).

Согласно показаниям секундомера, я провёл в неясном пространстве 26 минут 33 секунды, хотя казалось, что раза в два менее.

К вечеру открылся глубокий надсадный кашель. Бронхи свистят, мокрота отходит плохо. Я простудился. Но не намерен оставлять своих исследований, если только совсем не слягу.

P.S. Послал Ньюру к Прасковье Ильиничне за солодкой.

.....

Vladimir Pryakhin Poems & Parables

* * *

absence of speech - all pictures are just what they are
the artist did not want to say anything
he doesn't like to talk at all
so he chose the brush

Autumn discounts on books - writing is unprofitable
no one has time to read
but it's the right time to buy -
book prices are going up

now you understand
that the root of darkness is not darkness
but an extinguished match
which turned out to be the last dry one
in the matchbox

* * *

THOSE WHO WERE CUT OUT

sometimes Banin's relatives would visit him at night
their images were cut out from miraculously preserved photos
on their (breaking off into emptiness) backs, shoulders, cheekbones
he could detect traces of hasty scissor work
or other sharp objects
and one of them was roughly torn from a group photo
and only the right half
of his handsome young face remained

they all looked at Banin with expressions of love
and slight guilt
as if apologizing for their long absence and their odd looks
among them a slender dark-haired girl stood out
she wore white
behind her shoulders a piece of photo has retained part of a column
the girl held a huge basket
filled with black flakes
to Banin's dumb question she responded
with a curtsie:
— these are the ashes of those whose photos were burned

* * *

AFTER THE RAIN

the water was silent
its name spoke in me, and each spray
turned into one of the letters
I washed my face with dry text and wiped my face with meaning
I could find

what was left of my former life I put in a bag
lending properties of toys to sharp objects
to protect my memory shell from trauma

what happened to it - the whole point was that the brightness of the
loss
didn't give in to adjustment and therefore I found it
left by a window
and by its scattered malfunctioning gadgets I
learned of its life and death.

* * *

AND SO

and so I tear off a part of myself and give it to the local sun
let it break on a cloudy day
we have so many dark statues

depicting the light!
so even at noon it is gloomy in their shadow

* * *

Banin and Martha always remembered the saying: "husband and wife are one Devil." When Banin looked inside himself, he saw a Fallen Angel. And when Martha looked into herself, she saw the same Fallen Angel. Therefore, they lived their whole lives together so that the number of fallen angels would not double. Yet some, naively, thought that they had love ...

2019

* * *

Once upon a time Banin worked as a salesman of unnecessary items, and he achieved great success in this business. It could have gone on, but everyone was so used to the unnecessary that they began to feel the need for it. And the unnecessary was then considered necessary. And Banin was left without work.

2019

* * *

One night, Banin's favorite thought left him. When he didn't find it in the morning, Banin realized that he had been paying too little attention to his beloved. Since then he's grown sad. In the evenings he tried to imagine what his thought was feeling when it wasn't with him. He ate without appetite and slept poorly. However, Banin's thought did not live well in someone else's head. One fine day there was knocking on his skull. When he woke up, Banin saw that his favorite thought had returned to him!

But Banin and his thought could not become as close as before. Banin couldn't forget that someone else's head had used his thought. And the thought compared Banin's head to the one in which it spent very different nights and days.

2019

Владимир Пряхин

* * *

отсутствие речи — все картины такие, как есть
художник ничего не стремился сказать
вообще он говорить не любит
поэтому выбрал кисть

осенние скидки на книги — писать невыгодно
читать некогда
но самое время купить —
грядет подорожание книг

теперь ты понял
что корень мрака — не темнота
а погасшая спичка
которая оказалась последней сухой
в коробке

* * *

ВЫРЕЗАННЫЕ

иногда по ночам к Банину являлись его родственники
изображения которых были вырезаны из чудом сохранившихся фотографий
на их обрывающихся в пустоту спинах, плечах, скулах
были видны следы поспешной работы ножницами
или другими острыми предметами
а один из них был грубо выдран из общего фото
и от его красивого молодого лица
осталась только правая половина
все они смотрели на Банина с выражениями любви
и легкой вины
как бы извиняясь за свое долгое отсутствие и внешний вид
среди них выделялась стройная темноволосая девушка
в белом платье
за плечами которой обрывок фото сохранил часть колонны
девушка держала перед собой огромную корзину
наполненную черными хлопьями
на немой вопрос Банина она сделала книксен
и произнесла:

— это пепел тех, чьи фотографии сожжены

* * *

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

вода замолчала
во мне заговорило ее имя и каждая из брызг
превратилась в одну из букв
я умылся сухим текстом и вытер лицо смыслом
который я смог найти

то что осталось от прежней жизни я складывал в мешок

придавая острым вещам свойства игрушек
так оболочка памяти предохранялась от травм

а что с ним случилось - так все дело в том что яркость утраты

не поддавалась регулировке и потому я нашел ее
оставленной у окна
по его разбросанным неисправным гаджетам я
узнал о его жизни и о ее конце.

* * *

И ВОТ

и вот я отрываю часть от себя и отдаю местному солнцу—
пусть пробьется в пасмурный день
у нас так много темных статуй
изображающих свет!
так что даже в полдень сумрачно в их тени

* * *

Банин и Марта всегда помнили поговорку: "муж и жена - одна сатана". Когда Банин заглядывал внутрь себя, то видел там Падшего Ангела. И когда Марта заглядывала в себя, то видела того же самого Падшего Ангела внутри. Поэтому они жили всю жизнь вместе, чтобы число падших ангелов не удвоилось. А некоторые, по наивности, полагали, что у них любовь...

2019

* * *

Одно время Банин работал продавцом ненужного. И достиг в этом деле больших успехов. Это продолжалось бы и дальше, но все так привыкли к ненужному, что стали испытывать потребность в нем. И ненужное стало считаться нужным. И Банин остался без работы.

2019

* * *

Однажды ночью от Банина ушла его любимая мысль. Утром, не найдя ее, Банин понял, что уделял любимой слишком мало внимания. С тех пор он опечалился. По вечерам он пытался представить себе, как чувствует себя его мысль, находясь не с ним. Он ел без аппетита и плохо спал. Однако мысль Банина не ужилась в чужой голове. Однажды в черепную коробку постучали. И Банин, проснувшись, увидел что его любимая мысль вернулась к нему!

Но Банин и его мысль так и не смогли снова стать такими же близкими, как раньше. Потому что Банин все время помнил о том, что его мыслью пользовалась чужая голова. А мысль сравнивала голову Банина с той, в которой она проводила совсем другие ночи и дни.